

ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

III

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Я. С. ВИЛЕНЧИК

Проблема орфографии на современном арабском Востоке

Споры об алфавите не новы для арабского Востока. Возникновение их относится к концу прошлого столетия и совпадает с укреплением британского влияния в Египте. Но широкое обсуждение этих вопросов началось только лет десять тому назад, когда арабские страны, в результате ряда мирных договоров, были включены в экономическую систему мирового хозяйства и быстро стали высвобождаться из рамок старых феодальных производственных отношений. С тех пор дискуссия об орфографии не утихает. Из газет она перекинулась в ежемесячники, и редкий номер получаемого журнала не содержит какой-нибудь статьи или заметки о латинизации или изменении существующей орфографии. Многие склонны видеть в этом влияние турецкой реформы. Пример турок, бесспорно, не прошел бесследно и явился могучим стимулом к активизации подобного умонастроения; но считать все движение результатом простого подражания было бы методологически неправильным. Причины, вызвавшие его, лежат значительно глубже и являются одинаковыми и для турок и для арабов.

Прогресс современного человеческого общества возможен лишь на основе той материальной культуры, которая возникла на базе высоко-развитой машинной техники. Усвоение последней происходит как непосредственно, в виде машин и станков, так и путем ознакомления с мыслями, вызванными в жизнь применением машин и, в свою очередь, вызывающими дальнейшее усовершенствование техники и общий рост культуры. Известно, что письменная форма языка — устная речь в снятом виде — в нашем обществе играет большую роль, чем ее исходная точка. В соответствии с этим распространение прогрессивно-технической мысли происходит преимущественно в печатном виде, притом чаще всего посредством латинского алфавита. Отсюда важность латинизации письменности для народов, от-

сталых в технико-экономическом отношении. Она является для них мостом к усвоению передовой техники и тем самым становится стимулом к общему их прогрессу. В свете этих фактов вопрос о ббльшей целесообразности латинского шрифта теряет свое принципиальное значение. Именно потому, что он развивался вместе с ростом современной техники, приспособляясь к производственным ее возможностям и используя их для культурных потребностей передового общества, он и стал целесообразным.

Письменное и печатное оформление литературного арабского языка происходит посредством туземного алфавита, идущего справа налево и состоящего, в основном из 28 букв согласных. Из этих знаков 22 имеют по четыре варианта, а остальные 6 по два, в зависимости от того, стоит ли буква изолированно, связана ли она налево (со следующей литерой), направо (с предыдущей буквой), или в обе стороны. Вследствие этого в арабской наборной кассе имеется около 100 литер одних простых согласных. Кроме последних есть ряд лигатур, из которых не менее 12 встречаются в обычном газетном тексте. Тем самым набор одних согласных доходит до 148 литер. Для обозначения гласных имеется 11 специальных надстрочных и подстрочных знаков. Чтобы печатать вокализованный текст, литеры для согласных обычно отливаются вместе с огласовкой.¹ Так как это влечет за собой колоссальное увеличение арабской шрифткассы (148 × 11 плюс знаки препинания), то применение огласованного текста на практике ограничено коранами, научными изданиями, где необходимо фиксировать критически установленный текст, и начальными учебниками. Но вследствие того, что долгие гласные по правилам арабской орфографии всегда обозначаются определенными согласными² и, следовательно, специальные знаки для гласных в данном случае вообще излишни, мы в арабских газетах фактически встречаем не неогласованный текст, а лишь полуогласованный. Это обстоятельство само по себе не является минусом, давая к тому же известную экономию средств и времени, ибо человек грамотный прочтет любой связный, даже целиком неогласованный текст, если сам язык ему вполне понятен. В отношении арабского языка дело обстоит еще более благоприятно, так как роль неударенных кратких гласных здесь ничтожна. Если же современное арабское письмо является крупнейшим тормозом к распространению грамотности и повышению культурного уровня населения, то это объясняется, прежде всего, тем, что язык литературы на арабском Востоке далеко не идентичен с языком народных масс.

¹ Но бывает, что гласные набираются отдельно от букв.

² Случая, как الله и الرحمن, не в счет.

Литературный язык и обиходный вообще редко совпадают друг с другом. Но степень их взаимного отличия сильно колеблется от случая к случаю, доходя от незначительных расхождений до полного непонимания. Положение с языками на арабском Востоке приближается к последнему состоянию. Тот язык, на котором написаны газеты, журналы и книги, представляющий собой упрощенную форму строго классического языка со многими формальными и смысловыми новообразованиями и заимствованными фактами, в обиходе мало понятен.¹ Здесь даже люди образованные пользуются так называемыми народно-арабскими диалектами, по всему своему разрезу отличными как от классического староарабского языка, так и от языка современной литературы.

В городах вопрос об использовании общепонятного языка в качестве орудия идеологической активизации широких слоев населения стал наиболее назревшим.² Дело, однако, нельзя себе представить в виде простой замены одного языка другим; подобно тому как в петровской России произошло не просто вытеснение литературного языка того времени — церковно-славянского — народно-русским, а был выработан ново-русский, наш современный литературный язык, включивший в себя значительное число фактов из «церковного» языка, так и на арабском Востоке постепенно выковывается ново-арабский язык, в основе своей — народный, но воспринимающий из литературного языка тот готовый материал, который ему нехватает. И так как народные диалекты отдельных стран более или менее значительно отличаются друг от друга, то мы стоим перед фактом возникновения не одного, а нескольких новоарабских языков.³

Проследить развитие идеи латинизации на современном арабском Востоке, показать отношение различных общественных слоев к этому движению и вскрыть причины их поведения — и должно явиться конечной целью данной работы. К сожалению, доступный нам материал далеко не достаточен для исчерпывающей разработки выставленной темы. Приходится

¹ «Путешественник, который пожелал бы в Аравии, все равно как и в других странах арабского языка, обойтись одним лишь классическим арабским языком, имел бы такой же успех, какой имеют те северные путешественники, которые стараются объясниться с итальянскими кельнерами, употребляя нечто вроде латинского языка». [Крымский. Семитские языки и народы 3 (1912) 367]. О взаимоотношениях между арабскими литературным и народным языками см. предисловие к грамматике египетского диалекта J. S. Willmore. *The Spoken Arabic of Egypt*. 2nd ed. (London 1919) XXVIII + 454 p.

² См. обстоятельную рецензию И. Ю. Крачковского || ZKV 3,1 (1928) 186-91, на работы сторонника народного языка Māgūp'a Yuṣuf.

³ Вопрос о языках на арабском Востоке мы надеемся подробно рассмотреть в специальном этюде.

поэтому ограничиться выявлением наличных материалов, в подавляющем большинстве извлеченных из первоисточников, и попытаться наметить основные контуры движения, победа которого вызовет крупнейшие сдвиги на всем арабском Востоке.

Впервые вопрос о переводе арабской орфографии на латинский шрифт был поднят в Египте в 1897 г. «Общество обучения всей египетской молодежи» — *Society for the Education of every Egyptian Youth* развило энергичную деятельность по пропаганде идеи создания латинизированного литературного языка на базе народного диалекта. Во Флоренции, Каире и Нью-Йорке был издан ряд анонимных брошюр на английском языке,¹ вокабулярий в латинизированной орфографии,² а также статья на арабском языке, приложенная к № 16 каирского журнала *al-Hilāl* (от 15.4.1898). Издатель последнего, *Ẓirẓi Zaidān* в № 20 (от 15.6.1898) выступил с резким ответом.³ Годом позже египетский лингвист *Ibrāhīm al-Jāziẓī* изобрел формы несвязывающихся арабских букв, с тем, чтобы каждая из них сохраняла один и тот же вид безразлично от ее места в слове. Образцы этих букв были напечатаны в журнале «*aḏ-Dijā'*» и оказались недурными. Но дальше этого дело не пошло, и после прекращения названного журнала проект был забыт.⁴ Сходная судьба постигла предложение того-же *al-Jāziẓī* относительно введения специальных знаков над буквами *ʾ, w, j*, для обозначения гласных европейских языков, не имеющих в арабском.⁵ Примерно к тому же времени *Anastās al-Karmalī* в своих статьях, печатавшихся в органе бейрутских иезуитов «*al-Maṣṣiq*», стал употреблять специальные надстрочные знаки для передачи французских гласных, именно: опрокинутую фатху [˘] для *è*, опрокинутую дамму [˙] для *o*, вертикальный полукруг ^{◌̣} для *ei* и горизонтальный полукруг ^{◌̤} или маленький *u* для французского *u*.⁶ Этот проект имел не больше успеха, чем предыдущий, и в дальнейшем сам

¹ *An Egyptian Alphabet for the Egyptian People* (Florence, The Landi Press 1315/1897); — *All about Postal Matters in Egypt* (Florence 1898).

² [*Gam'yjet ta'lym kull wilād maṣr*]. *Kilmāt 'araby*, containing a list of 7000 words in the modern Egyptian tongue, with paradigms of the verbs and numerous grammatical examples (*Felōrensa* 1311/1893) 148 p. — В ноябре 1898 г. обещалось новое, расширенное издание на 12000 слов.

³ См. *M. Hartmann. Die gam'yjet ta'lym kull wilād maṣr* (Gesellschaft für den Unterricht der ägyptischen Jugend) || *ZA* 13 (1898) 277—87. Cp. *OLZ* 1 (7. 1898) 227.

⁴ *F. Xūrī* || *Sūrija* (12. 1928) = *RAA* 9 (7.-8. 1929) 438.

⁵ Т. е. французских *e, o, u*. См. *Ṭ. Yazāla* || *RAA* 12 (1.-2. 1932) 22. Cp. *A. S. Marmarẓi* || *RAA* 8 (7.-8. 1928) 461.

⁶ *A. S. Marmarẓi*, *ibid.*

автор к нему не возвращался. В 1899 г. председатель «Египетского Общества» Aḡmad Luṭfī Bey предлагал вместо вокализационных знаков обозначать краткие гласные «слабыми буквами», т. е. так, как сейчас пишут долгие гласные; для последних же ставить дополнительно мадд над соответствующей буквой-гласным. Тенвин должен передаваться полностью, удвоение обозначаться через две буквы, напр. محمد = مو حامدون, ل определенного члена пишется в соответствии с фактическим произношением.¹ О судьбе этого проекта нам ничего не известно. В 1902 г., рассматривая в предисловии к своей грамматике разговорного арабского языка Египта возможность превращения египетского народного языка в литературный, судья туземного апелляционного суда в Каире, J. Selden Willmore, вновь поставил на повестку дня вопрос о латинизации.² Цитируя одного американского филолога, Willmore указывает, что было бы трудно создать алфавит, более соответствующий своей цели, чем Spitta'ский. Всеобщее применение его к национальному диалекту Египта очень скоро значительно бы облегчило распространение знаний и несравненно сократило бы труд учителя во всех нильских странах; притом оно могло бы быть проведено в жизнь без того, чтобы в какой-либо степени было затронуто положение старо-арабского алфавита как средства для почитаемого классического языка.³ А. Н. Sayce в введении к той же грамматике Willmore'a также защищал необходимость перехода на латинизацию, притом народного языка. «Нам нужно иметь систему обозначений, которая передавала бы с приблизительной точностью произношение языка. Несовершенный арабский алфавит с его диакритическими знаками и отсутствием достаточного числа обозначений для гласных отпадает. Он относится к донаучным веку и народу и совершенно непригоден для передачи живых звуков современного арабского языка. Для этого мы должны прибегнуть к какой-нибудь модификации латинского алфавита. Что это будет за модификация будет зависеть от непосредственной цели. Если цель чисто научная, то мы можем выбирать между алфавитами Lepsius'a, Alexander J. Ellis'a или Sweet'a; если же она, прежде всего, практическая, то нет лучшего алфавита, как тот, который употребляется в „Sacred Books of the East“ или у Spitta-Bey'я». ⁴ Книга Willmore'a, точнее ее предисловие, вызвала бурю нападков и возражений

¹ at-Tanāzī || Hi 42 (1933/4) 830—1.

² Willmore J. Selden. The Spoken Arabic of Egypt. (London 1902), второе изд. (London 1919).

³ Стр. XXVII 2-го издания.

⁴ Ibid., стр. VI.

ЗИВАН, III.

со стороны туземных писателей.¹ В следующем году вопросом о сокращении числа арабских литер занималась специальная комиссия по реформе и улучшению арабских букв при Национальной типографии в Булаке (*Lažnat iṣlāḡ wa taḡsīn al-ḡurūf al-ḡarabīja bi maṭbaʿat būlāq*), которая вынесла свое предложение по этому делу.²

Этими данными исчерпываются наши сведения о движении по реформе арабской орфографии до мировой войны. Военные действия и последовавшие за ними события мало благоприятствовали оживлению подобного рода проблем, и неудивительно, что очередную статью о латинизации (отрицательно) мы регистрируем уже в 1924 г.³ Полностью, однако, дискуссия развернулась с 1928 г. в связи с докладом L. Massignon'a в парижском «Обществе арабской культуры» (*ḡamʿīyat at-taqāfa al-ḡarabīja*), объединяющем студентов из различных арабских стран. Докладчик указывал, что на ряду со многими достоинствами арабский язык обладает крупным недостатком — туземным письмом, которое является большим тормозом в деле распространения знаний. Выход он видит в замене арабских букв латинскими. Из выступавших в прениях кое-кто возражал докладчику, но большинство его горячо поддерживало. На выдвинутое предложение вскоре откликнулся ʿabd-al-Qādir ʿamza.⁴ Он с Massignon'ом не согласен. Весь проект будто бы навеван примером турок. Но арабский язык находится в другом положении. Его алфавит на протяжении многих веков служил орудием для передачи новой европейской культуре сокровищ греческой науки, персидской, индийской и римской литератур. Нельзя, следовательно утверждать, будто арабский алфавит не удовлетворяет требованиям, ставимым к средству культурного воздействия. Переходя к латинизации, ʿamza выражает беспокойство, как бы в результате этого 12 арабских звуков, не имеющих соответствий в латинском алфавите, не подверглись забвению и исчезновению. Это дает ʿamz'e повод обвинить инициаторов проекта в стремлении разрушить арабский язык. Но одновременно он вынужден признать, что нынешнее арабское письмо имеет много недостатков, что даже интеллигентные люди часто неправильно читают слова или же вынуждены смотреть в справочники. Он допускает также, что требования, ставимые в наше время писан-

¹ См. ответ Farag'a Anṭūn || al-Žāmīḡa 3 (1902=1319) 426 [по J. Lecerf || BEOIF 1 (1932) 204] и ряд статей в al-Muqtataf'e. Ср. al-Muqattam (10. 7. 1929) [по RAA 9 (7. 8. 1929) 433].

² ʿ. Yazāla || RAA 12 (1.- 2. 1932) 22.

³ Yazāla ʿabīb || al-Muqattam (19. 4. 1924) [по RAA 12 (1.- 2. 1932) 23].

⁴ ʿamza ʿ. Al-luḡa al-ḡarabīja wal-ḡurūf al-latinīja || RAA 8 (9.—10. 1928) 567—73 с сообщением о докладе Massignon'a.

ному языку, не могут быть сравнены с положением в средние века, когда наука была привилегией узкого круга лиц. Но выход Zamza видит не в латинизации; самое большее, на что он решается, — это реформа существующей орфографии. Вспоминая, что какой-то мыслитель в течение целых 20 лет размышлял об этом и пришел к выводу ставить гласные буквы рядом с согласными, он этот проект не одобряет, считая, что от этого проблема еще более запутается. По мнению Zamz'ы, этим вопросом должна заняться авторитетная научная организация, решения которой были бы обязательны для всех. Конкретных предложений, таким образом, не делается.

В конце того же 1928 г. два французских востоковеда, вышеупомянутый Massignon (член арабской Академии наук в Дамаске) и Beunard (?), глава светской миссии на Востоке, на собрании, устроенном в Бейруте в их честь, выдвинули проект перевода арабской орфографии на латинский шрифт.¹ Они при этом указывали, что такой шаг облегчит печатание, чтение, передачу французских слов и классическое произношение литературного арабского языка. В ответ на этот проект выступил со статьей в газете «as-Sūgīja» от декабря 1928 г. член арабской Академии Наук в Дамаске Fāris al-Xūgī.² Не отрицая за латинизацией определенных плюсов, Xūgī отмечает ряд недостатков, в результате которых будто бы обесценивается предлагаемый проект, а именно: 1) Не в пример турецкому языку, одиннадцать арабских согласных не имеют соответствий в латинском алфавите (t, ṭ, x, d, ṣ, ḍ, ṭ, z, ǧ, ʕ, q); принимая данный проект, пришлось бы изобрести для этих согласных новые знаки, благодаря чему письмо получило бы своеобразный характер, и латинские буквы стали бы перемежаться с другими, «примерно как это имеет место в русской орфографии». 2) Переход на латинизацию повлек бы за собой разрыв с культурным прошлым арабов, имеющим огромную ценность для всего человечества, и забвение его, так как всё, что написано старым алфавитом, стало бы недоступным, заново же всё перепечатать невысказано. Турок это обстоятельство менее смущало — у них нет столь обширной старой литературы. 3) Три арабских гласных — а, i, u — долгие и краткие имеют определенное произношение и не вызывают недоразумений, исключая разве злополучной imāl'ы. Но тут, для обеспечения правильного произношения, нет нужды прибегать к латинским гласным. Иным было положение в турецком языке: كول налр., можно было прочесть и как gul, и как göl, получая слова с различным значением.

¹ RAA 9 (7.—8. 1929) 434.

² Перепечатано в RAA 9 (7.—8. 1929) 434—9.

4) Арабское письмо представляет собой род стенографии, в которой соединены скорость и экономность. Переход на латинизацию потребовал бы вдвое больше времени и бумаги. 5) Арабские буквы больше отличаются друг от друга, легче, поэтому, разбираются. По-арабски можно еще читать без очков, когда европейский шрифт невооруженным глазом разобрать уже нельзя. 6) Переход арабов-сирийцев на латинизацию привел бы к разрыву между ними и арабами прочих стран. 7) Арабские гласные сейчас не оказывают влияния на правописание, потому что они не фиксируются, и поэтому люди, говорящие по-народно-арабскому, вслух огласуя слова неправильно, все же верно их пишут. Если же состоится переход на латинизацию, с обязательным обозначением всех гласных — в данном случае классических — возникнут не только ортоэпические ошибки, как это сейчас имеет место, но и орфографические. Например, сейчас слова *البدارة والحضارة* можно написать правильно, и не зная огласовки первой коренной,¹ при латинизации же этого нельзя будет. В результате каждый станет писать как ему вздумается, и читатель потеряется между правильными и неправильными надписаниями. Хūgī признает, что арабское письмо нуждается в известных коррективах, но считает латинизацию нежелательной крайностью. Он подходит к вопросу более осторожно. Так как современная система над- и подстрочных гласных делает печатание книг с огласованным текстом экономически невыгодным, то следует превратить гласные в рядовые буквы, применение которых будет условным, в зависимости от грамотности пишущего. При этом считается возможным грамматических окончаний не обозначать. Затем необходимо унифицировать форму букв, уничтожив соединительные варианты, примерно в таком виде, как это в свое время сделал Ibrāhīm al-Jāziẓī,² о проекте которого Хūgī одобрительно отзывался. Этих двух мероприятий, по его мнению, будет достаточно, чтобы освободить арабскую орфографию от действительных ее недостатков.

Известная доля правды в аргументах Хūgī имеется. Но он не вполне последователен и приходит поэтому к совершенно неправильным выводам. Если перевод литературного языка на вокализованную латинскую орфографию связан с значительными затруднениями вследствие разрыва между литературным и народным языками, то те же возражения останутся в силе и при введении специальных «арабских» гласных-букв. Говоря о скорости и экономности арабского письма — рукописного! — Хūgī упускает из виду

¹ Произношение этих двух слов в классическом языке колеблется между *qidāra*, *bidāwa* и *qadāra*, *badāwa*. В народном же есть только *qdāra*, *bdāwə*.

² В журнале *aḡ-Ḍijā'*, см. выше, стр. 128.

медленность и, как следствие этого, дороговизну и недоступность арабского печатного набора. А между тем, именно последнему предстоит сыграть ведущую роль в распространении грамотности. Да и все предложение Хūgī сводится, в конце-концов, к изобретению нового алфавита со всеми вытекающими отсюда последствиями, приведенными Хūgī в качестве аргументов против латинизации. И если Хūgī фактически признает необходимость заменить существующий алфавит более удовлетворительным, то нет причины отказаться от самого распространенного латинского алфавита ради какой-то выдумки, где арабским, может быть, будет одно только направление письма.

Следующим проектом является «предложение об иностранных буквах и вторичных гласных».¹ Автор его, доминиканец, А. S. Магмагži, профессор Библейско-археологического института в Иерусалиме, предлагает ввести в арабскую орфографию те знаки, которые были выработаны персами и турками для передачи известных согласных их языков, не имевших соответствий в арабской графике, именно: **پ** для р, **ع** (с двумя точками) для ž,² **ج** для ċ, **گ** для g, **ف** для v. Введение этих знаков вызывается необходимостью более точно передавать иностранные слова и выражения (главным образом в газетном языке), иметь возможность транскрибировать в лингвистических сочинениях слова из других семитских языков, равно как и зафиксировать в письме звуки народного языка. Переходя к гласным, Магмагži указывает, что вокализационная система арабской орфографии, т. е. надстрочные и подстрочные знаки, так и не проникли в жизнь, и употребление их крайне ограничено. Отсюда исключительная трудность правильно прочесть литературный текст, в результате чего даже человек ученый, знакомый с морфологией и синтаксисом, не в состоянии избежать погрешностей. Магмагži указывает, что он не является сторонником консерваторов (*muḏāfiḏūn* «охранителей»), противодействующих какой бы то ни было реформе орфографии и предлагающих в случае надобности пользоваться имеющимися вокализационными знаками. Но вместе с тем он не одобряет позиции «обновленцев» (*muḏaddidūn*), видящих выход из тупика в переходе на латинский алфавит. Как «практик», он того мнения, что достаточно ставить огласовку там, где есть опасность двусмысленности; спорный вопрос тем самым не решается, а обходится. Зато выдвигается

¹ А. S. Marmarži. *Iqtirāḡ fil-gurūf ad-daxīla wal-ḡarakāt al-farḡija* || RAA 8 (7.—8. 1928) 456—64. Извлечения в RŠ 1 (15. 10. 1928) 46—7.

² Турецкое **ج** оказалось неудобным, ввиду того, что в народном языке Сирии **ж** очень распространенный звук, соответствующий классическому **ج**.

проект о введении в нынешнюю арабскую орфографию дополнительных вокализационных знаков для «вторичных» гласных, наличие которых можно проследить вплоть до доисламских времен.¹ Гласные эти, не предусмотренные существующей арабской вокализацией, следующие: 1. *tafxīm* — «между даммой и фатхой», по М. = о, в действительности а заднего образования, resp. э; 2. *imāla* — «между фатхой и кесрой», по М. = франц. é, в действительности передний а или æ; 3. *iṣmām* — «между кесрой и сукуном», по М. = франц. e muet, на деле звук, близкий к русскому ы; 4. *raww* — «отклонение от даммы», по мнению М. = франц. u, в действительности лабиализованный ы. Знаки для передачи этих гласных должны быть упрощенной формы, легкими для писания, легко запоминаемыми и удобными в смысле отливки. Из своих предшественников Магмагži называет Ibn-Xaldūn'a, Ibrāhīm al-Jāzi'ī и Anastās al-Karmalī. Предложенные двумя первыми обозначения не встречаются у Магмагži одобрения вследствие сложности и двусмысленности их. Зато приветствуются знаки для гласных, употреблявшиеся А. Кармалі в его статьях в первых томах al-Mašriq'a (см. выше, стр. 128); лишь в отношении знака для *iṣmām* (° у Кармалі) Магмагži предпочитает вертикальному полукругу — опрокинутую кесру , в остальном же он согласен с Кармалі. Помимо сего Магмагži считает нужным обозначать редуцированный гласный э народных диалектов, для чего он рекомендует знак арабского сукуна, с тем отличием, чтобы его кружок немного раскрывался с правой стороны; получится тот самый знак, которым А. Кармалі обозначает *iṣmām*. В отношении названия этих знаков Магмагži исходит из принципа, что все они должны быть представлены словами, образованными по форме *fağla*, по примеру названий уже имеющих вокализационных знаков: *fatğa*, *kaṣra*, *ḡamma*. Поскольку *iṣmām*, *tafxīm* и *imāla* являются приращенными формами, необходимо завести новые термины. Магмагži предлагает заимствовать таковые из сирийского языка, именно: *gabša* для *imāl*'ы, *rawğa* для *tafxīm*'а, *ħarsa* для *iṣmām*'а. Вместо *raww* берется термин *lamma*, что должно указывать на лабиализацию; редуцированный гласный называется *ħalsa*, а нынешний *sukūn* переименовывается в *saḡna*. — Практическая ценность выдвинутого проекта ничтожна. Рекомендуемые согласные (за исключением ع) уже известны, и если арабы их тем не менее не употребляют, то очевидно потому, что потребность в них не очень ощутительна. В самом деле, эти буквы нужны арабскому

¹ Ср. статью Anastās al-Karmalī. Al-ğarakāt al-ğarabija al-mažhūla || LA 5 (1927): 129—36.

языку не больше, чем *h* русскому, специально для передачи иностранных названий вроде Гамбург, Ганновер и т. п. Зато принятие их потребовало бы увеличение шрифткассы на 20 клеток, тем самым еще более затруднив печатание книг и газет. И те же возражения можно выдвинуть против введения специальных знаков для гласных, с той разницей, что даже принятые, эти знаки оказались бы практически столь же неприменимыми, как ныне имеющиеся вокализационные знаки. Единственный эффект, который был бы достигнут в результате осуществления этого предложения, выразился бы в дальнейшем проникновении французского языка в Сирию — притом под маской «арабских» букв, для популяризации же арабского печатного слова проект ничего не дает.

Следующая статья по интересующему нас вопросу появилась в реакционном бейрутском журнале.¹ В ней автор крайне резко высказывается против латинизации. Между турецким и арабским языком будто бы имеется принципиальное различие. Турецкий язык не однообразен, а в большинстве своем состоит из заимствованных элементов. Легко, поэтому, было туркам скинуть одно чужое платье, чтобы надеть другое. Для арабского же языка его алфавит является коренным и, отказавшись от него, арабы отрываются от своих истоков. Автор статьи резко обрушивается на «кемалистов», обвиняя их в посягательстве на ислам и призывая «исламскую молодежь во всех странах земли», в частности арабскую националистическую молодежь, заявить решительный протест, который был бы более эффективным, чем крестовые походы. — Доводы al-Manāg'a не выдерживают никакой критики. Чужого лексического элемента в арабском языке не меньше, чем в турецком;² национально-арабского в арабском шрифте ровно столько, сколько национально-немецкого в готическом, т. е. мы имеем в обоих случаях дело с чужими алфавитами, графически своеобразно обработанными и фонетически — не всегда удачно — приспособленными к нуждам данного языка. Лишь говоря об ослаблении влияния ислама, точнее, мусульманского духовенства, в результате латинизации, al-Manāg прав, так как грамотность, конечно, не столь способствует распространению религиозного фанатизма, как невежество. Поэтому данная статья является очень характерной для отношения мусульманских духовных кругов к возможной реформе арабской орфографии.

¹ Al-Manāg (10. 1928) 458 [по Ma 27. (1. 1929) 55—6].

² Ср. указания на литературу по арабским заимствованиям из греческого, латинского, арамейского и персидского языков у Крымского. Семитские языки и народы 3 (1912) 479—81. К этим старым заимствованиям впоследствии прибавилось огромное количество итальянских, турецких, французских, новогреческих, и, особенно в последнее время, английских слов.

Но не одно лишь мусульманское духовенство придерживается такой точки зрения. Иезуит F. Tawtal, выступая в католическом бейрутском журнале «al-Maṣrif»,¹ полностью солидаризируется с al-Manāṭ'ом, прибавляя еще один довод: арабский алфавит будто бы необходим для того, чтобы сохранить традиционную связь между старым и новым языками и между народами, говорящими по-арабски на Востоке и Западе. В действительности же арабская орфография лишь формально прикрывает фактически уже созревший разрыв между языками и является крупнейшим тормозом к установлению связи между арабскими народами, так как не дает возможности этим самым «народам» пользоваться печатным словом, ввиду недоступности его в нынешней форме.

Отрицательное отношение клерикальных кругов к латинизации хорошо иллюстрируется отзывом французского востоковеда E. Dinet, перешедшего еще в 1914 г. в мусульманство.² Проект латинизации он оценивает как недобросовестную попытку нанести удар Корану. С эстетической стороны арабское письмо значительно превосходит латинское. Арабское письмо — мать всех мусульманских искусств. Турки, приняв латинский алфавит, только заменили чужое чужим, у арабов же их письмо вышло из глубины арабского языка.³ Недостатков в арабском языке не больше, чем в латинском, зато много достоинств. Отсутствие гласных может считаться дефектом, но оно дает возможность сразу установить корень слова. Для передачи 13 звуков арабского языка, не имеющих своих соответствий в латинском, пришлось бы прибегнуть в случае латинизации к специальным значкам и точкам, что привело бы к большим неудобствам. Вообще писать арабский язык латинскими буквами столь же абсурдно, как и передавать латинские слова арабским алфавитом. Доводы Dinet не убедительны. Вся проблема рассматривается с точки зрения эстетики,⁴ конкретное же значение латинизации, как средства распространения грамотности, не затрагивается.

Через полгода после выступления Maṣṣaḥḥī, в египетском журнале «al-Hilāl» появилась статья председателя бюро переводчиков при верхов-

¹ Tawtal Fardinān. Al-luḡa al-ḡarabīja wal-zurūf al-latīnīja || Ma 27 (1. 1929) 55—6.

² Dinet E. (el-Hadj-Nasir-ed-Dine) et Baāmer el-Hadj-Sliman-Ben-Ibrāhīm Al-ḡaẓẓ ilā bait allāh al-ḡarām. Le pèlerinage à la maison sacrée d'Allah. Illustr. de E. Dinet.-Paris, Librairie Hachette (1930 = 1348) 178—83. Книга представляет собой описание паломничества в Мекку весной 1929 г. и имеет целью «способствовать установлению сердечного согласия между юдаизмом, христианством и исламом».

³ Ср. выше аргументацию al-Manāṭ'a.

⁴ Dinet сам неплохой художник, в чем можно убедиться на иллюстрациях, которыми он снабдил свою книгу.

ном комиссариате в Бейруте Jūsuf'a Yaṣṣūb о реформе арабского алфавита.¹ Аргументация Yaṣṣūb'a сводится к следующему: наличие четырех форм от каждой буквы делает арабскую наборную кассу весьма громоздкой и неуклюжей. Из-за этого работа наборщика становится нерациональной, а если бы взяли за правило выпускать издательскую продукцию огласованной, то невозможно было бы напечатать газету среднего размера за один день. Эти препятствия на пути прогресса арабской печати вынудили некоторые передовые народы заменить арабский алфавит латинским; он предпочтительнее благодаря большей своей легкости и возможности полностью выражать гласные и согласные, в то время как обычный, т. е. неогласованный, арабский текст очень трудно правильно прочесть, если неизвестна тема. Во избежание перехода на латинский шрифт, Yaṣṣūb предлагает египетскому правительству провести два мероприятия, которые смогли бы восполнить указанные недостатки. Во-первых, должна быть установлена для каждой буквы одна форма безразлично от ее места в слове. Затем надо нынешние вокализационные знаки ставить не над или под буквами, а за ними, в один ряд с ними. При этом кесре должно быть придано направление, противоположное фатхе, всё же прочее остается без изменения. В результате этого станет возможным без особых затруднений читать арабский текст в классическом произношении. Литературный язык получит широкое распространение, и «может быть таким путем удастся ликвидировать народный язык и воспитать подрастающее поколение на классическом языке».

Против ожидания Yaṣṣūb'a статья его не вызвала никаких откликов. Это вынудило его вторично выступить, на этот раз в Сирии, с более конкретными предложениями.² Унификация формы арабских букв обещает ряд преимуществ: 1) вместо 1500 типографских знаков можно будет обойтись 70, что даст большой материальный эффект и может стать стимулом к прогрессу арабского печатания; 2) арабские слова будут передаваться полностью, со всеми гласными, что сделает возможным читать их правильно, т. е. в классическом произношении; 3) возможно будет включить в арабский алфавит латинские буквы для обозначения звуков, отсутствующих в арабском языке; 4) ряд арабских гласных, не выражаемых в письме, но известных по традиции: tafxīm = французское о,³ imāla = фр. é,⁴ iṣmām = фр. e muet⁵

¹ Yaṣṣūb Jūsuf. Iṣlāḡ al-abḏadija al-ḡarabija || Hi 37 (4. 1929) 731—2.

² Yaṣṣūb Jūsuf. Iṣlāḡ al-abḏadija al-ḡarabija || Ma 28 (1. 1930) 29—34.

³ Точнее а заднего образования, или э.

⁴ Точнее æ.

⁵ На деле звук, близкий к русскому ы.

и *ištām aḏ-ḏamm* (или *ag-ḡawm*) = фр. *u*,¹ сможет быть обозначен соответствующими французскими буквами. Старые вокализационные знаки *Yaṣṣūb* предлагает попрежнему ставить выше букв, но не над ними, а между. При этом наклон кесры направляется в сторону, противоположную фатхе, т. е. слева направо. Отдельно должна писаться и хамза, сделав тем самым излишними специальные правила ее употребления. Знак тешдида исключается, а удвоение выражается двойным надписанием буквы, по примеру романских языков. Вся предлагаемая система имеет следующий вид:

ا ب ت ث ج ح خ د ذ ر ز س ش ص ض
 ا ب ت ث ج ح خ د ذ ر ز س ش ص ض
 ط ظ ع غ ف ق ك ل م ن ه و لا ي
 ط ظ ع غ ف ق ك ل م ن ه و لا ي
 ° ° ° ° ° ° ° ° ° ° ° ° ° ° ° °

В качестве иллюстрации даются два отрывка в предлагаемой орфографии с параллельным текстом в нынешнем надписании:²

Без огласовки:

«وصلت الباخرة شامبوليون من مرسيليا وعليها خمسون راكباً من باريس
 وعشرة راكب انكلوسكون قادمين من لغربول لبيع بضائهم في بيروت.»

وصلت الباخرة شامبوليون من مرسيليا وعليها
 خمسون راكباً من انكلوسكون قادمين من لغربول لبيع بضائهم في بيروت.

¹ В действительности лабиализованный *y*.

² Во второй строчке первого отрывка (в современной орфографии) читай *анклоскусон* вместо *анклоскон*. В последней строчке второго отрывка (в предлагаемой орфографии) в слове, соответствующем нынешнему *بِمْشَابَةِ*, перепутаны гласные.

С огласовкой:

« حَدَّثَنَا عَيْسَى بْنُ هِشَامٍ قَالَ : لَمَّا بَلَغْتُ فِي الْقُرْبَةِ بَابَ الْأَبْوَابِ .
وَرَضِيتُ مِنَ الْقَيْسَةِ بِالْإِيَابِ . وَدَوْنَهُ مِنَ الْبَحْرِ وَتَابُ بِغَارِهِ . وَمِنْ
الْأُسْنِ عَافُ بِرَأْكِهِ . اسْتَحَرْتُ اللَّهَ فِي الْقَوْلِ وَقَعَدْتُ مِنَ الْهَلَكِ .
بِمَثَابَةِ الْهَلَكِ . »

هَدَدْتُنَا عَيْسَى بْنُ هِشَامٍ قَالَ : لَمَّا بَلَغْتُ بَابَ
الْعَذَابِ بَابَ الْأَبْوَابِ وَوَضِيتُ عَنْ الْعَذَابِ
بِالْعَذَابِ وَدَوْنَهُ عَنْ الْأَبْوَابِ وَتَابُ بِغَارِهِ
وَعَنْ الْأَبْوَابِ عَنَّا بِرَأْكِهِ اسْتَحَرْتُ اللَّهَ
فِي الْقَوْلِ وَقَعَدْتُ عَنْ الْهَلَكِ بِمَثَابَةِ الْهَلَكِ

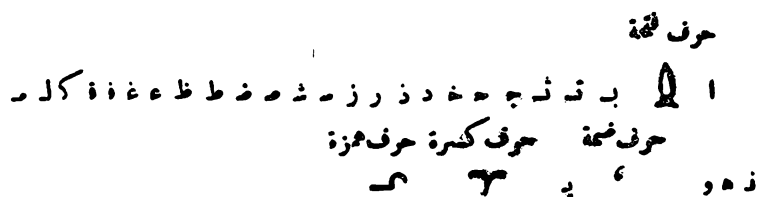
¹ Новый шрифт предполагается лишь для печатания, в письме же можно попрежнему пользоваться современным арабским шрифтом. — Предложение Yaṣṣūb'a теоретически не дает ничего нового в сравнении с проектом Fāris'a al-Xūgī (выше, стр. 131—3); но в то время как Xūgī учитывает те затруднения, которые могут возникнуть вследствие антагонизма между литературным и народным языками, Yaṣṣūb повторно указывает, что преследуемая им цель состоит лишь в том, чтобы способствовать распространению классического языка и дать ему возможность вытеснить народные диалекты, т. е. он предлагает арабам отказаться от «арабского» языка и перейти на «грамматический» язык.¹ Этой идее Yaṣṣūb'a вполне соответствуют выдуманнные им буквы: арабского в них почти ничего нет, скорее есть сходство с (церковно-)сирийским шрифтом. Зато не забыты латинские буквы для тех европейских звуков, которые отсутствуют в арабском языке, но могут оказаться полезными для усвоения туземцами правильного французского произношения. Таким образом противники латинизации, сознательно или бессознательно, способствуют галлицизации арабского Востока.

Почти одновременно с предложением Yaṣṣūb'a появился проект Zuhair'a aš-Šihābī. Как и первый, он сначала выступил в египетской печати.² Во время интервью в Иерусалиме с немецким востоковедом

¹ В Египте разговорный язык называется *garabī*, а литературный *naḡwī*, т. е. грамматическим.

² Под псевдонимом Ibn-abī-sulmā: *Hal taḡull al-zurūf maḡall al-ḡarakāt al-ḡarabīja* || Muqṭ. 75 (7. 1929) 182—7.

Dr. Moritz он изложил ему свой проект, имеющий целью «заменить огласующие знаки арабскими буквами, чтобы письмо было полным, в соответствии с произношением и чтение легче и точнее и чтобы облегчилось распространение классического языка среди народов вообще, и арабов в частности». Над проектом своим aš-Šihābī стал работать еще девять лет тому назад, в начале своей педагогической деятельности, когда он убедился, что многочисленные формы букв и знаков, которые детям приходится усвоить — по двум шрифтам, для печати и письма, до 230 знаков — являются крупным препятствием при обучении детей грамоте. Но даже научившись читать огласованный текст, ученик оказывается беспомощным перед обычным, невокализованным текстом. Писать же по-арабски с полной огласовкой нельзя, так как пришлось бы каждое слово фактически писать в три ряда (один для согласных и два для вокализации), что потребовало бы лишнего труда на поднятие руки и чтение, да и с типографской стороны было бы связано с громадной тратой сил и средств. Новый проект этих недостатков не имеет, обладая рядом достоинств, именно: 1) требуется всего 32 буквы; 2) печатные и рукописные буквы одинаковы, причем их можно, по желанию, писать отдельно или связно, не нарушая основной формы; 3) слова пишутся полностью в классическом произношении безо всяких сокращений или лишних знаков (тенвинов, алифа максура, особых обозначений для хамзы и т. п.); 4) поднимать руку от строки не приходится, раз гласные имеют свои эквиваленты, которые пишутся в одну строку с согласными; 5) новое письмо немногим отличается от старого, не получится, таким образом, разрыва со старой литературой. Исходя из шрифта несх, получится следующая система:

Dr. Moritz одобрительно отнесся к проекту, считая его более удачным, чем латинизация, но выразил сомнение в возможности добиться согласованности всех арабов по этому вопросу. Aš-Šihābī же предполагает, что подобно тому как в свое время куфийский шрифт уступил место современному, так и последний будет заменен более совершенной его формой.

Оценивая выдвинутый проект, перепечатанный в «Известиях Арабской Академии наук» в Дамаске,¹ an-Nakadī выражает свое согласие с аш-Šihābī. Лишь два пункта вызывают с его стороны возражения. Во-первых, он полагает, что igrāb, т. е. гласные грамматических окончаний, не должны отмечаться буквами, поскольку их легко запомнить из теории и нежелательно возникновение разных письменных форм одного и того же слова. Второе замечание касается формы предлагаемых букв. Нерационально пользоваться для печати и для письма одним и тем же шрифтом. Унификацию форм букв не следует смешивать с унификацией шрифта. Достаточно посмотреть на латинский алфавит, буквы которого унифицированы, но где налицо ряд шрифтов, как-то: курсивный, готический, капитальный и др. Поэтому можно допустить следующий компромисс: в письме попрежнему остается современный арабский шрифт — благодаря чему сохраняется связь с старым культурным наследием, для печатания же вырабатывается особый алфавит. An-Nakadī предлагает следующие буквы:

uḡwūjǝǧǧīccŵwǝzzzūūū

Гласные: ǝ — дамма, ǧ — фатха, ŵ — кесра. Для последних двух можно выбрать и другие формы. Можно также изобразить алиф через H, удваивая нынешнюю его форму, или в виде Δ, фатху через l, т. е. пол-алифа, а кесру посредством !, т. е. пол-йā. В отношении r, z, s, ḡ, ṭ, ṣ и m an-Nakadī новых форм не приводит, и вопрос остается открытым. — Предложение Šihābī-Nakadī, примыкая к проектам Xūḡī и Yaṣṣūb'a, не отличается особыми достоинствами. Мысль об унификации формы букв выдвигалась уже раньше, как и вопрос о превращении огласовочных знаков в рядовые буквы. Дело и здесь фактически сводится к замене современного арабского шрифта новоизобретенным, не имеющим ничего общего ни с арабским алфавитом, ни с латинским. Рекомендовать такую вещь можно лишь, убедившись в непригодности нынешних арабских букв и являясь принципиальным противником латинизации.

После сказанного статья Ṭāhir'a al-Žazā'irī² дает мало нового. В ней приводятся кое-какие данные по истории вокализации и мимоходом вос-

¹ aš-Šihābī Zuhair. Mašrūḡ bi kitābat al-ḡarakāt bi ḡurūf ḡarabīja wa istigmāl abḡadija wāḡida liṭ-ṭabḡ wal-kitāba || RAA 9 (11.—12. 1929) 654—60.

² Žazā'irī Aš-Šaiḡ Ṭāhir al. Al-ḡaṭṭ al-ḡarabī || RAA 12 (3—4. 1932) 180—8. Статья — посмертная — является извлечением из большого труда под названием «Tawḡīh an naḡar ilā uṣūl al-aṭar».

хваляются достоинства арабского письма, скорость его, наличие многообразных шрифтов. Отсутствие гласных al-*Ḥazā'irī*, само по себе, недостатком не считает. Дело, по его мнению, в достаточной степени регулируется применяемой сейчас вокализацией, надо лишь ввести дополнительные знаки для гласных, не имеющих своих эквивалентов, с тем, чтобы иметь возможность более точно передавать иностранные слова. Дополнительных вокализационных знаков al-*Ḥazā'irī* предлагает четыре: 1) Для æ, е — по терминологии *Ḥ.* «алифа, склонного к кесре» — опрокинутую фатху, напр. *درجه*; название знака — *fatḡa mumāla*, т. е. «ималированная фатха». 2) Для о — «алифа, склонного к дамме» — опрокинутую дамму, напр. *صلوة*¹; название — *ḡamma mašūba*, т. е. «мутная дамма». 3) Для лабиализованного у, которого *Ḥ.* считает идентичным с французским и (фонетически у) — дамму с кесрой под ней, напр. *دُرّ*, с названием *ḡamma mumāla*, т. е. «ималированная дамма». 4) Для ы, которого *Ḥ.* не отличает от французского eu (фонетически = ø и œ) — тот же знак, что в предыдущем случае, но в опрокинутом виде, таким образом, чтобы кесра оказалась над даммой, напр. *قَبْت*; название — *kasra mušimma*, т. е. «отклоненная кесра». Переходя к знакам препинания al-*Ḥazā'irī*, после интересного экскурса по истории вопроса, предлагает ввести следующие знаки: 1) *ḡalāmat as-saqt* «знак покоя» — тире. 2) *ḡalāmat al-waḡf al-ḡasan* «знак одобряемой паузы» — опрокинутый *wāw* (◌◌) в значении занятой. 3) *ḡalāmat al-waḡf al-kāfi* «знак дополнительной паузы» — опрокинутый *wāw* с точкой над ним или тире после него (◌◌ или —◌◌) = точка с запятой. 4) *ḡalāmat al-waḡf at-tāmm* «знак полной паузы» — точка, или троеточие, или кружок, или полукруг. Возможны и все четыре знака для различных оттенков. — Поскольку арабские газеты печатаются без огласовки, польза от предлагаемых дополнительных знаков будет невелика. Что же касается до знаков препинания, то нет нужды выворачивать их наизнанку. Лучше, пожалуй, оставить их такими, как в европейских языках, что будет менее оригинально, но зато более практично.

До чего может довести стремление к оригинальности, в особенности когда дело идет о том, чтобы избежать перехода на латинизацию, видно на примере *Ḥalīd'a-ibn-Muḡammad al-Faraḡ*.² Как и *Fāris al-Xūrī*,³ он

¹ Пример неудачный, так как налицо лишь устарелая орфография с сохранившимся в письме согласным, из чего нельзя судить о произношении гласного.

² *Faraḡ Ḥalīd-ibn-Muḡammad al. Ḥāḡat al-ḡurūf al-ḡarabīja ilal-iṣlāḡ* || RAA 10 (1.—2 1930) 53—9.

³ См. выше, стр. 131—3.

вполне здраво рассуждает пока речь идет о критике существующего положения, но лишь только приходится делать из этого надлежащие выводы, как появляются проекты, граничащие с наивностью. Al-Farāḡ с полным основанием подчеркивает, что нынешний арабский алфавит сделался препятствием для развития языка и одной из главнейших причин неграмотности подрастающего поколения. Он крайне усложняет работу наборщиков, удорожая тем самым стоимость книг и делая их недоступными для людей среднего достатка, в особенности учащейся молодежи. Та же сложность арабского алфавита сводит к нулю пользу от применения пишущей машинки. Помимо сего одно лишь усвоение арабского шрифта требует от детей ненужной траты больших сил и стараний. Было, правда, время, когда арабы распространили свою культуру, в том числе и алфавит, среди многих народов. С тех пор положение изменилось: былое могущество исчезло, культурная мощь ослабла. Если не будут приняты меры к исправлению недостатков арабского письма, то мусульманские народы скоро перестанут им пользоваться. В Турции перешли на латинизированный алфавит; обучить всех турок грамоте на арабском алфавите было бы невозможно. У малайцев также уже есть латинский алфавит, и если бы не необходимость изучать Коран, то они бы вовсе забросили арабские буквы. Индусы оставили арабский шрифт и перешли на свой старый индийский алфавит и даже многие мусульмане внутренней Индии, напр. в Бенаресе, употребляют балибандийские буквы (? al-ḡurūf al-bālibandija), происходящие от санскритского письма, вместо старой арабской орфографии языка урду; только для Корана и некоторых обрядовых книг сохранился арабский шрифт. Афганцев лишь падение Амануллы-хана удержало от того, чтобы последовать примеру турок. Во избежание полного исчезновения арабского шрифта надо, поэтому, провести ряд реформ. Рассматривать их как покушение на основы религии нет никакого основания. Ведь не обвинили же в отступничестве визиря Ibn-Muqlā, который ввел в IV в. хиджры нынешний шрифт взамен прежнего куфийского. Но сейчас одной красоты арабского шрифта недостаточно, и ничего не остается, как приспособить его к типографии и пишущей машинке. Известно, что сто килограмм латинского набора хватает на много печатных листов, в то время как такое же количество металла арабским шрифтом дает едва четверть того. Этот минус устраняется следующим путем: 1) Арабский алфавит составляется из 28 простых букв, а все прочие отменяются. 2) Размер букв должен быть симметричным, чтобы можно было отливать шрифт на 6.9 пунктов. 3) Гравятся специальные заглавные буквы, которым придается вид европей-

маске можно будет передать, ставя буквы справа налево, следующим образом:

٢١٤٤١ ٥٥٥٥٥ ٢ ١٤٤٤٤١ ١ ٢٤٤٤٤١ ٥ ٢ ٢٤٤٤٤١

или, располагая буквы слева направо:

١٤٤٤٤١ ٢٤٤٤٤١ ١٤٤٤٤١ ٢ ١٤٤٤٤١ ٢٤٤٤٤١ ١٤٤٤٤١

Простота системы позволит сократить курс обучения грамоте до одной недели, максимум до месяца. Станет легко приобрести себе типографии и пишущие машинки и значительно увеличится, благодаря их исключительной дешевизне, распространение газет и печатных изданий, а тем самым повысится общий культурный уровень. — Проект Fаḡaḡ'a мог бы поразить своим радикализмом, если бы не был лишен всякой новизны. Передача слов цифрами практикуется в каждом воскресном номере немецких газет, где в отдел «задачи и шарады» подаются специальные «Zahlenrätsel». Но, даже оставив в стороне этот момент, нельзя согласиться с Fаḡaḡ'ом в особой экономности предлагаемой им цифровой системы. Дело в том, что он рекомендует ставить точки, двоеточия и треточия не отдельно от цифр, а внутри их (см. образцы), что повлечет за собой необходимость отливать столько литер, сколько букв в алфавите, т. е. 28. Мы имеем, следовательно, перед собой проект двух новых алфавитов взамен арабского, алфавитов, лишенных плюсов нынешнего и обладающих лишь тем весьма сомнительным достоинством, что они не латинские.

На этом кончаются доступные нам материалы, характеризующие отношение сирийцев к возможной реформе орфографии. Определенно отрицательно относятся к ней лишь клерикальные круги, в особенности мусульманские. Остальные же цитированные писатели отнюдь не скрывают недостатков существующей орфографии, но не имея достаточно гражданского мужества открыто призвать к переходу на латинизацию, предпочитают заниматься невыполнимыми и подчас нелепыми проектами. В этом отношении появление цифрового алфавита al-Faḡaḡ'a весьма характерно для того тупика, в котором очутились указанные круги.

Несколько более положительные результаты дала дискуссия о латинизации, поднятая в иракской печати. О ней мы узнаем из обстоятельного ответа Anastās'a al-Karmalī на письмо в редакцию багдадского лингвистического ежемесячника «Luḡat al-ḡarab».¹ Читатель — сторонник перехода

¹ Al-ḡarabīja bil-ḡurūf al-lātīnīja || LA 7 (3. 1929) 251—4. LA прекратился изданием с 1932 г.

на латинский шрифт, так как тем самым станет возможным включить в арабский язык ряд научно-технических терминов. Отвечая ему, Karmalī указывает, что латинизация арабского алфавита имеет и достоинства и недостатки. Первые состоят в следующем: 1) легко будет изучать иностранные языки, в большинстве пользующиеся латинским алфавитом; 2) распространение унифицированного алфавита сделает возможным ознакомление с новейшими открытиями и изобретениями. Унификация алфавита есть шаг к унификации языка. В свою очередь противники латинизации ссылаются на следующие недостатки ее: 1) арабам приходится рвать со своим культурным прошлым; 2) новому поколению нетрудно будет изучать иностранные языки и столь же легко забыть свой собственный. В лучшем случае, арабский язык будет наводнен иноязычными элементами; 3) иностранцы смогут легко овладеть арабским языком и использовать это во вред арабам; 4) народный язык подавит язык литературный. По мнению А. Karmalī, мотивы сторонников латинизации имеют значительный перевес над аргументами их противников. Исконне-арабский характер туземного алфавита ни на чем не основан: в свое время арабы писали и муснадом, и по-сафски, и набатейским письмом. Язык не теряет своего национального лица оттого, что он будет писаться чужим алфавитом, как это видно на европейских языках, пользующихся латинским письмом. То же относится к религии, которая не связана с национальностью или письмом. Зато очевиден крупный недостаток арабского письма: отсутствие знаков для обозначения ряда согласных¹ и гласных, имеющих в европейских языках, напр. е, ё, è, ê, о, и, g, j, p, v. Дополнить существующий алфавит новыми знаками нецелесообразно, так как получится очень громоздкая система и придется писать в три линии.² Письмо получит крайне неказистый вид, и всё же его нельзя будет прочесть без твердого знания всех грамматических правил. Латинская же орфография сократит до минимума требования по отношению к грамматике и сэкономит бесполезно затрачиваемое время для более эффективных занятий новыми языками. Лично А. Karmalī за сохранение существующих букв, так как боится, как бы арабы в результате латинизации не утратили произношение эмфатических и гортанных. И вместе с тем он считает латинизацию неизбежной, как неизбежен и единый унифицированный алфавит. Классический арабский язык ожидает та же участь, что постигла в свое время древне-греческий и латинский. Они

¹ Karmalī говорит о *ḡurūf muḡtadila*, имея в виду так наз. *mediae*.

² Имеется в виду: линия согласных и по линии для надстрочных и подстрочных знаков.

погибли, но из-под их обломков возникли современные, живые языки. — В сравнении с высказываниями сирийских «реформаторов», статья А. Кармалі является большим шагом вперед. Он, конечно, неправ, когда говорит, что латинизация повлечет за собой утрату специфически арабских звуков речи, но в общем его рассуждения показывают, что он значительно выше той провинциальной ограниченности, которая столь характерна для упомянутых нами выше сирийцев.

Здраво рассуждает также иракский поэт Maḡrūf an-Ruṣāfi.¹ Говоря о трудности избежать орфоэпические ошибки при чтении неогласованных арабских текстов, он указывает, что десятилетние штудии над языком не оберегают его от погрешностей, что даже на заседаниях крупных специалистов ему приходится встречаться с аналогичными фактами. «Я избегаю ошибки в флексии окончаний слов благодаря тому, что я знаю из правил грамматики, но чем же я избегаю ошибок в начале их или в середине...? Ведь произношение этих слов целиком определяется слухом, и мы не можем знать его из грамматических правил... Следовательно, нужно, чтобы я знал каждое слово в отдельности, справившись в словарях, и сохранил его в своей памяти, чтобы мне стало возможным прочесть его правильным образом, когда я наткнулся на него в книге или кассете... Я понял, что эти погрешности происходят не от невежества и постиг, что здесь есть пробел, который надо заполнить. Ведь уже древние заметили этот пробел и поняли это, когда пытались сгладить дефект огласовкой... Их старание оказалось бесполезным, потому что в огласовке кроется трудность... Из-за этого популярны книги выпускаются без огласовки, так как эти затруднения оказались удвоенными в типографиях... Искусство чтения у нас одно из самых трудных, ...мы должны понимать, чтобы прочесть, другие же читают, чтобы понимать».

Как видно, отсталый Ирак в отношении латинизации оказался более радикальным, чем передовая Сирия. Объясняется это тем, что контраст между технической мощью Англии и слабостью туземцев здесь дает себя чувствовать в наиболее острой форме. И если в Сирии европейцы Massignon и Beunard(?) выступили застрельщиками латинизации, то для Ирака мы имеем отзывы двух востоковедов-европейцев диаметрально противоположного характера. Это — профессора Ernst Herzfeld и Denison Ross. Когда первого, бывшего в Багдаде проездом из Тегерана в Систан, спросили

¹ В третьем выпуске Общества «Taḡmīm maḡārif wa islāḡ zurūf žamgijati» fil-imba-ḡaṭūrijā al-ḡuṭmānija, p. 28. Цитируется по Muqt. (7. 1929) 185—6.

о его мнении относительно присвоения арабскому письму латинских букв, он порицал этот проект и неодобрительно отзывался о нем, говоря: «это колонизаторская выдумка и всякому арабу, которому дороги его национальность, язык и литература, следует [эту мысль] ненавидеть и противодействовать ей всеми доступными средствами». Свою речь он заключил так: «Принятие этих букв имеет много шансов стать фактом, о чем приходится жалеть».¹ В том же духе выразился и D. Ross: «Такие шутики, — сказал он, — может быть, подойдут народному языку, что же касается ясного [т. е. литературного] языка, то говорящим по-арабски следует писать только теми буквами, которые они получили от своих предков».²

Обратимся теперь к Палестине. Здесь вопросы латинизации арабского языка связаны с латинизацией второго обиходного языка — еврейского.³ Застрельщиком перевода еврейской орфографии на латиницу явился Ittamar Ben-Avi, сын известного филолога Eleazar'a Ben-Jehuda. В 1927 г. он выпустил в память отца книгу, написанную по-еврейски в специальной латинской транскрипции.⁴ По его же инициативе палестинский еженедельник «Palestine Weekly» в 1929 г. начал выпускать еженедельное еврейское приложение латинскими буквами.⁵ К тому времени названный Ben-Avi опубликовал в том же «Palestine Weekly» серию статей о возможности возникновения в Палестине у евреев и арабов общего национального чувства, в которых затронул также вопрос о переводе еврейского и арабского языков на латинскую орфографию. Эти статьи, собранные в один сборник под заглавием «Palestinism», вызвали широкий интерес и реплики со стороны

¹ LA 7 (3. 1929) 271.

² LA 7 (3. 1929) 270.

³ Название «древне-еврейский» в данном случае не подходит, по той причине, что между собственно «древне-еврейским» языком Библии и говором нынешнего еврейского населения Палестины разница не меньшая, чем между языком древне-русских летописей и нашим современным.

⁴ Ben-Avi Ittamar: Avi. — Yeruṣalaym, Hotzaat «Hassolel, Defus Azriël, 1927. XVI, 4, 97 p. [Заголовок по QS 4 (1927—8) 13].

⁵ Ha Savu'a ha Palestini. Our Hebrew page in Latin characters. Ha'orekh Ittamar Ben-Avi. Nosaphah aleph. Yerusalaym, 5689 [по QS 6 (1929—30) 153]. Ср. OM 9 (4. 1929) 179^a. [Уже после сдачи настоящей статьи в набор, в NEI 42 (14. 12. 1933) 1030, появилось объявление следующего содержания: «Deror» (Liberty). Ittamar Ben-Avi, Editor. The only Hebrew Weekly Printed in Latin Characters. Easily Read by Everybody. Contents: Local & General News — Stories — Editorials. Special Features in Each Issue: (1) A Hebrew Lesson Translated into English. (2) A Vocabulary of the Difficult Words. (3) A Dictionary in Serial Form, Detachable for Binding Purposes. — По просьбе Института востоковедения Ben-Avi выслал указанное издание, но, к сожалению, оно сюда не поступило. О характере транскрипции можно получить представление из одной строчки сбоку бланка: AL RÉGEL ANHAT: U tamid (always) = ı; Ğ = 3; Z = ı; HH (CH) = 7; TZ (Ç) = 3; KĦ = 7; Q = p. Сам бланк гласит: «Deror» Shavu'ôn Metzuyar Be Otiyot Latiniyot].

арабской печати.¹ Но когда «Palestine Weekly» попытался в своем приложении дать также и арабские статьи латинскими буквами, он подвергся ожесточенным нападкам со стороны палестинской арабской печати, обвинившей его в покушении и насилии над арабским языком. Защищаясь, «Palestine Weekly» указывал на необходимость облегчить чтение соответствующих языков тем арабам и евреям, которые на практике более или менее ими уже владеют, но находят в восточном алфавите непреодолимое препятствие. Лишь таким путем оба народа смогут прийти к общему национальному сознанию. Против этих аргументов энергично возражала яффская газета «Filastīn».² Оставляя в стороне вопрос о языке, она отрицала всякую возможность общего патриотизма. «Палестинизм не есть вопрос алфавита. Если хотят, чтобы оба народа стали братскими, нужно, чтобы они находились в Палестине в равных условиях. Если одному оказывается предпочтение за счет другого, то не может быть между ними ничего общего».³ Как видно, здесь вопрос о латинизации с самого начала получил политическую окраску и не удивительно, что сторонниками латинизации на этот раз оказались сионисты — идеологи капиталистического пути развития Палестины, в то время как их противники выражают чаяния преимущественно помещичье-феодалных слоев арабского населения.

Послевоенное оживление проблемы латинизации не миновало и Египта. Диспут на тему «Что нам больше подходит, латинские или арабские буквы?», состоявшийся 18. 2. 1929 г. в Египетском университете в Каире, обратил на себя большое внимание.⁴ За латинизацию высказался профессор названного университета Ibrāhīm Muṣṭafā, основываясь на том, что 50% арабской молодежи остается малограмотной из-за трудностей арабского письма. Недостаточная точность его якобы была причиной утраты многих оттенков значений и искажения большинства слов. Писать же огласованно почти невозможно, так как вокализационные знаки отнимают больше места, чем само слово. Благодаря этому арабские типографии встречаются с трудностями, неизвестными в Европе. Обычная арабская шрифткасса состоит примерно из 100 клеток, а если взять сложный набор, то потребуется до 5000 клеток. Художественные достоинства арабского письма не могут идти в сравнение с практическими недостатками его. Принципиально защищать арабский алфавит не приходится: он заимствован у чужого народа

¹ ОМ 9 (4. 1929) 180.

² От 16. 5. 1929.

³ См. L'arabo in caratteri latini e il «palestinismo» || ОМ 9 (6. 1929) 268.

⁴ См. сообщение об этом в журнале al-Ḥa' 5 (3. 1929) 1023—6.

и с религией не связан. Возражал Muṣṭafī ʿabd al-Wahhāb ʿazām, профессор того же Египетского университета. Редакция «al-Iḫāʾ», целиком поддерживая точку зрения ʿazām'a, вынуждена признать, что он не особенно старался опровергать доводы своего оппонента, а ударился в бесконечные фантазии. Его особенно пленяет внешность арабских букв, он также боится, что с латинизацией арабские классики станут непонятными и потеряются для современности. Лишь с одним аргументом Muṣṭafī он согласен: «мы слабы, а люди Запада сильны и горе слабому от сильного», но выхода ʿazām не видит. — Такой же нерешительностью отличается статья ʿabīb'a Yazāla, появившаяся в каирской ежедневной газете.¹

Более определенно высказалась против латинизации газета «al-Muqattam».² По мнению автора статьи, нельзя сравнить арабов с турками. Последние составляют единую нацию, в то время как арабами являются несколько народов, разбросанных по разным странам.³ Недостатков в арабской орфографии немало, и исправлением их должна заняться специальная лингвистическая академия,⁴ предложение же о введении латинского шрифта в момент обостренной национальной борьбы является покушением с негодными средствами.⁵

В официальных египетских кругах идея латинизации не пользуется особым успехом. Когда один голландский ученый предложил египетскому министерству народного просвещения проект введения латинской орфографии, он получил вежливый, но определенный отказ.⁶ Вместо того старание правительства было направлено на проведение мер, имевших своей задачей отвлечь внимание египетской общественности от латинизации. В начале 1929 г. в газете «as-Sijāsa»⁷ было опубликовано официальное сообщение египетского короля Фуада I о конкурсе на лучшее предложение относительно прописных букв и знаков препинания. Приводим его полностью:⁸ «Его величество пожелало содействовать повышению уровня арабского письма, в первую очередь путем введения знаков препинания (tarqīm), как знаки паузы, вопроса, восклицания и т. п.; во вторую очередь, введя в употребление «большие буквы» в начале фразы в письме от руки и печати,

¹ As-Sijāsa (14. 2. 1929) [по RAA 12 (1.—2. 1932) 23].

² От 10. 6. 1929.

³ Египтяне считают себя, конечно, отдельной нацией.

⁴ Сейчас такое учреждение уже имеется. См. багдадскую газету al-ʿilām al-ʿarabī от 21. 12. 32. и OM 12 (11. 1932) 552—3.

⁵ См. RAA 9 (7.—8. 1929) 433—4.

⁶ Ibid.

⁷ От 7. 1. 1929.

⁸ По OM 9 (1. 1929) 52.

на тот же манер, как употребляются прописные буквы в французском, английском и прочих языках. Правила интерпунктуации будут разработаны специально создаваемой комиссией; для «больших начальных букв» его величество пожелало устроить публичный конкурс и установило для этой цели три премии для первых трех победителей в сумме 100 египетских лир¹ первому, пятидесяти — второму и двадцати пяти — третьему. Все участники конкурса должны представить прописные буквы, которые будут найдены подходящими [*ehe giudicherà opportune*], с образцами, показывающими их употребление совместно с другими буквами. Работы соревнующихся будут приниматься до 1 декабря 1929 года. Они должны быть в запечатанном конверте с надписью Конкурс на большие буквы и направляться в секретариат личной канцелярии (*dā'ira xāṣṣa*) его величества». Для рассмотрения поступивших предложений в 1930 г. была создана специальная комиссия, в соответствии с выводами которой министерство общественного просвещения издало 26 июля 1930 г.² нижеследующий декрет о введении прописных букв и знаков препинания.³

«Египетское правительство. Мин. нар. просвещения. Министр просвещения — по ознакомлении с приказом его величества короля, сообщаемым, что высочайшее желание его величества направлено к тому, чтобы было создано всеобщее соревнование для изыскания форм букв алфавита, которые бы имели тот же эффект, как большие буквы чужих языков и как можно больше были бы похожи на обычные буквы, а также, чтобы были изложены случаи, в которых большие буквы найдут применение в шрифтах *pasx* и *ḡiḡa* и чтобы знаки препинания были введены в арабское письмо; по ознакомлении с постановлением арбитражной комиссии, созванной по воле его величества короля, чтобы вынести решение по соревнованию относительно больших букв; и по ознакомлении с решением комиссий, созданных министерством просвещения с целью установления знаков препинания и для всеобщего распространения больших букв и случаев их применения; и по ознакомлении с формами букв в *pasxī* и *ḡiḡa*, на которые пал выбор, — постановил нижеследующее: § 1. Прописные буквы, показанные в приложении № 1, называются коронными буквами (*ḡurūf at-tāḡ*), принимая во внимание фигуру, которая насаживается на обычные буквы, равно как и потому, что они были установлены во исполнение воли короны. § 2. Знаки

¹ Около 1000 рублей золотом.

² 30 Ṣafar 1349 г.

³ На основании немецкого перевода в *Isl* 5 (1932) 359—62 и извлечений в *OM* 11 (12. 1931) 617—8.

препинания (ḡalāmāt at-tarqīm) и случаи их применения определяются соответственно изложенному в приложении № 2. § 3. Коронные буквы употребляются в случаях, приводимых в приложении № 3. § 4. Министерство просвещения воспользуется всеми средствами, чтобы повсюду распространить применение коронных букв и знаков препинания и чтобы обеспечить всё, что окажется нужным для введения их в жизнь: включение их в учебные планы школ, ознакомление публики с их достоинствами, способствование их применению в типографиях. — Издано 30. Šafar 1349.

Приложение № 1. Коронные буквы в печатном шрифте nasxī:

То же в рукописном курсиве ruqʿa:

Приложение № 2. Знаки препинания: 1. al-fašla — запятая — ‘. 2. al-fašla al-manqūṭa — точка с запятой ‘. 3. al-waqfa — точка — . . 4. an-nuqṭatān — двоеточие :. 5. ḡalāmat al-istifhām — вопросительный знак ?.¹ 6. ḡalāmat at-ta’aṭṭur — восклицательный знак — !. 7. al-qaw-sān — скобки — (). 8. ḡalāmat at-tanṣīṣ — кавычки — “ ”. 9. aš-šarṭa — тире — . 10. ḡalāmat al-ḡaḍf — многоточие — . . .²

Приложение № 3. Коронные буквы употребляются в следующих случаях: 1. В начале каждого слова оглавлений и заголовков, напр. в оглавлении книги Kitāb Al-aḡānī как k, так и ’ [определенного члена] должны снабжаться короной. 2. В начале самостоятельной фразы, т. е. такого слова, с которого начинается речь, равно как в начале цитаты (tanṣīṣ)

¹ Так на снимке в ОМ; в Isl же приводится обычный нынешний арабский вопросительный знак ؟.

² Следуют правила употребления знаков препинания, которые в основном соответствуют практике западных языков, находясь под сильным влиянием французского usage’a.

в прямой речи; после точки, вопросительного знака, восклицательного знака и двоеточия. 3. В начале имени собственного, как простого, так и сложного, будь это сознательное или бессознательное существо, исключая случая, когда имени собственному предшествует одна из частиц, которые связываются [в письме] с следующим словом.¹ В этом случае как частица, так и имя собственное пишутся как обычно, напр. *fa-muḡammad*.² 4. Если имя собственное выражается посредством эпитета (*ṣifa*), замещающего его, так что обязательное упоминание имени собственного становится ненужным, то первая буква эпитета пишется в виде «коронной буквы», напр.

فردمہ رسول اللہ کذا...
بسمی اللہ !

О мотивах, которыми руководствовалось египетское правительство при введении прописных букв, поветствует специальная брошюра, изданная летом 1931 г., где имеется также текст декрета и образцы нового шрифта.³ «С того времени как турки отказались от арабского письма, ему стала угрожать опасность исчезновения. Это вызвало движение к реформе его, с тем, чтобы его обновить, не отрывая от культурного прошлого». О тех же мотивах говорил *Ḥafiz Afīf Paṣha* в своем докладе на 18-м конгрессе ориенталистов в Лейдене.⁴ По его словам, «перевод арабского языка на латинизацию наталкивается, благодаря специальному характеру семитских языков, на непреодолимые препятствия. К тому же латинский язык не обладает никакими эквивалентами для большого числа согласных, употребляемых в семитских алфавитах. Более просто, поэтому, стараться заполнить пробелы арабского письма путем проведения серии частичных реформ».

Еще до того, как декрет был опубликован, *Jūsif Yaṣṣūb* в *al-Maṣriq'e* довольно осторожно высказывался о прописных буквах. «При нынешних условиях будет затруднительно включить их в арабский алфавит, в виду

¹ Имеются в виду однобуквенные частицы вроде *fa*, *wa*, *bi* и т. д.

² Авторы декрета не заметили, насколько изложенное противоречит правилу ставить прописную букву в начале названий, имеющих перед собой определенный член, ср. *Kitāb Al-aḡānī* (выше, п. 1) и *Al-malik* (ниже, п. 4).

³ *Wizārat al-maḡārif al-gumūmīja. ʿurūf at-tāẓ wa-ḡalāmāt at-tarqīm wā mawādiḡ iṣtigmalhā*. — *Miṣr, Maṭb. malikīja* (1931) 17 p. lith. Ср. *J. Lecerf*||*BEOIF* 1 (1932) 192; *H. Kofler*||*Isl* 5 (1932) 354-6; *N.*||*OM* 11 (12. 1931) 617-8.

⁴ *Afīf-Paṣha Ḥafiz. Les lettres de la Couronne; l'introduction de lettres majuscules et de signes de ponctuation dans l'écriture arabe*||*Actes du XVIII-e congrès international des orientalistes (Leide, 7. — 12. 9. 1931)* 223-9.

того, что буквы связываются друг с другом и из-за различия их формы и размера. Тем более, что эти большие буквы у романских народов не имеют твердой формы, и всякий делает их по вкусу, так что они каждый раз бывают различных размеров и форм, становясь самостоятельными буквами».¹ Обнародование декрета вызвало критику в оппозиционных египетских газетах, как и вне Египта. ʿabd-al-Qādir āš-Šihābī «официальный каллиграф палестинского правительства» в письме в яфскую газету «Filastīn» указывает, что он уже в прошлом критиковал прописные буквы, одобренные на конкурсе, как определенно не соответствующие правилам арабской каллиграфии. Он полагает, что египетское правительство, обсуждая вопросы арабского письма, в которых заинтересованы не одни только египтяне, должно было созвать конгресс экспертов из всех арабских стран, чтобы решить, какие формы [букв] следует избрать. Это тем более было необходимо, что Египет находится в авангарде арабской культуры, и арабские книги и журналы, напечатанные в Египте, распространяются по всему арабскому миру. Египетские типографии, по мнению āš-Šihābī, получают тяжкий урон от введения названных прописных букв, вследствие утраты покупателей на арабском Востоке.²

Иную позицию занял орган арабской Академии наук в Дамаске, где в статье ʿabīb'a Yazāla разбираются доводы pro et contra.³ Два аргумента обычно выдвигаются против прописных букв: во-первых, находят, что они слишком резко отличаются от обычного арабского шрифта, отчего страдает эстетическая сторона дела; затем высказывается мнение, что новые буквы нерациональны, так как, будучи фактически ненужными, они лишь усложняют и без того трудный арабский набор. Не вдаваясь в критику первого возражения, которым следует заниматься лицам, компетентным в вопросах искусства, Yazāla полагает, что бесполезными назвать прописные буквы никак нельзя. Они, прежде всего, должны служить для выделения имен собственных, в чем уже давно ощущается потребность. Увеличение набора при этом, правда, неизбежно, но в сравнении с существующей наборной кассой, новые буквы окажутся лишь незначительным процентом. Если уж поднять вопрос об упрощении набора, то лучше всего руководствоваться проектом Комиссии по реформе и улучшению арабских букв, существовавшей в 1903 г. при национальной типографии в Булаке.⁴

¹ Ма 28 (1.1930) 29—30.

² Filastīn от 13. 10. 1931 [по OM 11 (12. 1931) 618].

³ Yazāla ʿabīb. ʿurūf at-taḥ wa ʿalāmāt at-tarqīm || RAA 12(1.—2. 1932) 21—5.

⁴ См. выше, стр. 130.

Другие предложения, как, напр., проекты несвязанных букв, *Yazāla* считает заранее обреченными на неудачу, равно как и всякие попытки латинизации.

В Западной Европе египетское нововведение было принято не особенно сочувственно. Руководящий журнал итальянских востоковедов «*Oriente Moderno*», давая краткий обзор истории введения прописных букв, воздержался от всяких комментариев.¹ Зато определенно отрицательную оценку получил новый проект в статье Hans'a Kofler в немецком журнале «*Islamica*».² Kofler указывает, что в шрифте *rigza*, который обычно допускает лигатуры в большом количестве, корона надписывается отдельно, так что писец должен прервать писание или, по окончании слова, вновь возвращаться к началу его. Это обстоятельство может стать большим препятствием к введению и укреплению новых знаков. Общий вывод его неутешителен: «Друг восточных культур..., равно как и ученый ориенталист найдут в «коронных буквах» лишь некрасивое нарушение этого столь гармонично-декоративного письма и тем более сожалеет о новшестве, что достоинства «коронных букв» весьма сомнительны».

Насколько мало декрет египетского правительства отвечает запросам жизни, видно хотя бы из того, что, несмотря на обязательность его для школ с начала 1931/32 учебного года,³ новые буквы еще нигде в печати не применялись.⁴ Это обстоятельство лучше всего показывает беспочвенность и полный провал дорого стоившей затеи. Вопрос же о латинизации попрежнему стоит в центре внимания арабской общественности. Когда в Каир прибыл упоминавшийся раньше иракский лингвист *Anastās al-Karmalī*, редакция журнала «*al-Hilāl*» провела анкету среди трех лингвистов-арабов: названного *Karmalī*, *Muḡammad'a Masḡūd* и *Muḡammad'a Farīd Waḡdī*, опубликованную в «*al-Hilāl*» в конце минувшего года.⁵ По мнению *Anastās'a al-Karmalī* отказаться от арабских букв не следует во избежание разрыва с культурным прошлым.⁶ Но так как существующая орфография не гарантирует от ошибок в чтении слов, то необходимо ввести знаки для гласных, которые бы писались в ряд с согласными, именно: перечеркнутые

¹ N. Le maiuscole ed i segni d'interpunzione stabiliti per l'arabo dal Governo Egiziano || OM 11 (12. 1931) 617—8.

² Kofler Hans. Ein Erlass des ägyptischen Unterrichtsministeriums zur Reform der arabischen Schrift || Isl 5 (1932) 354—62.

³ См. OM 11 (12. 1931) 617.

⁴ По крайней мере среди поступающих в Институт востоковедения АН египетских газет и журналов прописные буквы оказались всего лишь в одном объявлении — клише, да на снимке грамоты — ответа на тронную речь, помещенного в Hi 41 (2. 1933) 439.

⁵ Hal janbayī tayjir al-ḡurūf al-ḡarabīja || Hi 40 (8. 1932) 1385—9.

⁶ Ср. выше, стр. 145—7, его мнение в LA 7 (3. 1929.) 251-4.

ا, و, и ى для кратких а, и, i, напр. يجلس = يجلس; тенвин должен писаться в соответствии с произношением, напр. عالماً = عالماً (но فتى, عصا будут فاتاً, عاصاً). Помимо этого рекомендуется ввести для гласных европейских языков (французских) следующие знаки: опрокинутый wāw для о, напр. رور = port; наклонный алиф для е, напр. رر = rège; арабскую семерку для французского и, напр. رر = rug, и даже ى для eu: رر = reux. Таким образом можно будет «передавать в письме любой гласный из любого языка, а арабский студент будет в состоянии читать любой текст, не будучи вынужденным прибегать к справочникам». — Muḡammad Masḡūd отрицательно смотрит на все проекты реформы арабской орфографии, считая, что существующее арабское письмо в комбинации с надстрочными и подстрочными знаками — которые он сравнивает с французскими акцентами — является идеальным, объединяя в себе обычное письмо и стенографию и обладая гибкостью, недоступной европейским языкам. Проект Anastas'a al-Karmālī Masḡūd оценивает как ненужное подражание европейцам, которое будет иметь своим последствием удвоение объема печатных изданий, вызовет необходимость в переносе слов и явится покушением на неизменность текста Корана. Если же последний писать по старому, то возникнут разные орфографии для гражданских и религиозных целей, с последующим отрывом религии от жизни. Предлагаемые al-Karmālī знаки для передачи иностранных гласных также не встречают одобрения Masḡūd'a. Нет нужды вводить в арабскую орфографию знаки для чужезычных гласных, подобно тому как европейцам не приходит в голову завести у себя буквы для передачи специфических арабских согласных. — Muḡammad Farīd Waḡdī характеризует положение с арабской орфографией как «несчастье». Арабская орфография совершенно не соответствует фактическому произношению; научиться правильно писать исключительно трудно. В результате этого разрыва «слова испортились и правильное произношение их стало невозможным». Существующая система вокализации на практике — помимо коранов — не применяется: печатание огласованных текстов потребовало бы удвоения числа наборщиков и корректоров и повлекло бы за собой массу опечаток. Waḡdī ссылается на свою статью в газете «al-Balāḡ», где он протестует против приписываемого ему намерения заменить арабское письмо европейским. Его цель — побудить египетскую общественность заняться реформой арабской орфографии и создать комиссию из специалистов-лингвистов для выработки системы письма, более соответствующей арабскому языку. Под последним Waḡdī понимает классический язык,

который необходимо сделать более доступным, «чтобы не расширить расстояние между народным языком и ним». В заключение Waḥdī резко отзывается о своих противниках, называя их шпионами (*mutaraṣṣidūn*) и особенно негодует на обвинение его в вероотступничестве. «Народы охраняют свою старину до известной границы, а дальше охранение превращается в свою противоположность... и если нужда потребует исправление его [старого] и замены другим, следует быстро действовать и взять полезное, а остальное бросить».

Несмотря на кажущиеся противоречия, у трех вышеназванных ученых нет принципиальных расхождений. Все они стоят на почве классического языка и разница между ними лишь в формальном подходе. И тут наиболее последовательным оказывается консервативный Maṣṣūd. В самом деле, литературный арабский язык, благодаря тому, что он непонятен широким массам населения, объективно стал в руках господствующих классов средством для сохранения монополии на образование; сделать его общедоступным и популярным значило бы лишить его своего *raison d'être*. Отсюда враждебное отношение к латинизации со стороны правящих кругов арабского мира. И из этого же следует, что если арабы когда-либо станут писать латинскими буквами, то это будет проведено в жизнь теми, кто действительно заинтересован в поднятии культурного уровня широких масс арабского населения и на том языке, который этим массам понятен.¹

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ИНДЕКС ИМЕН

Aḥī-Paḥa Ḥafīz 153.

Anṭūn Farāz 130.

Ḥazām Ḥabd-al-Waḥḥāb 150.

Baāmer el-Ḥadj-Sliman-Ben-Ibrahim 136.

Ben-Avi Ittamar 148.

Ben-Jehuda Eleazar 148.

Beynard (?) 131, 147.

Dinet E. 136.

¹ Уже после того как настоящий этюд был набран, появилась статья Ṭahīr'a Aḥmad'a aṭ-Ṭaḥāzī: *Hal jumkin iṣlāḥ al-ḡurūf al-ḡarabīja? Istiḡrāḍ wa naqd.* || *Hi* 42 (1933 - 4) 829—83. В ней, после краткого обзора истории арабского письма дается оценка трех проектов реформы арабского алфавита. Предложение Aḥmad Luṭfī-Bey'a (выше, стр. 129) автор отвергает, считая что оно губит красоту арабского письма, удлиняет слово и не дает возможности соблюдать многие правила грамматики (напр. пропуск одного из коренных в условном наклонении пустых и недостаточных глаголов). Проект al-Ḥarmalī передавать краткие гласные через переречкнутые ا, و, ی (выше, стр. 155—6) также подвергается критике, как неэкономный в отношении времени и типографских расходов. Третий проект рекомендовал обозначать фатху через ب без точки, кесру через ی с тремя точками под ним, димму через ف с тремя точками над ним, удвоение посредством отвесной черточки над данным согласным. Опровергать этот проект aṭ-Ṭaḥāzī не считает нужным. Вывод его: все выдвинутые до сих пор проекты реформы арабского письма — нецелесообразны. Иначе обстоит дело с заменой арабских букв латинскими: сама по себе она была бы полезной, но имела бы результатом забвение всей старой арабской литературы. Поэтому aṭ-Ṭaḥāzī и против латинизации.

- Ellis Alexander-J. 129.
 al-Faraḡ Xālid-ibn-Muḡammad 142, 143, 144, 145.
 Fuād I 150.
 Hartmann M. 128.
 Herzfeld Ernst 147.
 Ṣamzā ʿabd-al-Qādir 130, 131.
 Ibn-abī-sulmā 139.
 Ibn-Muqla 143.
 Ibn-Xaldūn 134.
 al-Jāziẓī Ibrāhīm 128, 132, 134.
 al-Karmalī Anastās 128, 134, 145, 146, 147, 155, 156, 157.
 Kofler Hans 153, 155.
 Kračkovskij I. J. 127.
 Krymskij A. 127, 135.
 Lecerf J. 130, 153.
 Lepsius 129.
 Luṭfi-Bey, Aḡmad 129, 157.
 Marmarẓī A. S. 128, 133, 134, 136.
 Maḡūd Muḡammad 155, 156, 157.
 Massignon Louis 130, 131, 147.
 Moritz Dr. 140.
 Muṣṭafā Ibrāhīm 149, 150.
 aḡ-Nakadī 141.
 N(allino?) 153, 155.
 Nasir-ed-Dine el-Hadj 136.
 ar-Ruṣāfi Maḡrūf 147.
 Ross Denison 147, 148.
 Sayce A. H. 129.
 Spitta-Bey 129.
 Sweet 129.
 aš-Šihābī ʿabd-al-Qādir 154.
 aš-Šihābī Zuhair 139, 140, 141.
 Tawtal Fardinān 136.
 aṭ-Ṭanāḡī Ṭāhir Aḡmad 129, 157.
 Waḡdī Muḡammad-Farīd 155, 156, 157.
 Willmore J.-Selden 127, 129.
 al-Xūrī Fāris 128, 131, 132, 139, 141, 142.
 Yaṣṣūb Jūsif 136, 138, 139, 141, 153.
 Yazāla Ṣabīb 128, 130, 150, 154, 155.
 Yuṣn Mārūn 126.
 Zaidān Žirẓi 128.
 al-Žazā'iri Ṭāhir 141, 142.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИНДЕКС ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- Actes du XVIII congrès international des orientalistes 153.
 al-ḡālam al-ḡarabī 150.
 al-Balāy 156.
 BEOIF = Bulletin d'Etudes Orientales de l'Institut français de Damas 130, 153.
 Deror 148.
 aḡ-Dijā' 128, 132.
 Filasṭīn 149, 154.
 Hi = al-Hilāl 128, 129, 136, 137, 155, 157.
 Isl = Islamica 151, 152, 153, 155.
 al-Ixā' 149, 150.
 LA = Luḡat-al-ḡarab 134, 145, 148, 155.
 Ma = al-Mašriq 134, 135, 136, 137, 153, 154.
 al-Manār 135, 136.
 al-Muḡaṭṭam 130, 150.
 Muḡt = al-Muḡtaṭaf 130, 139, 147.
 NEI = Near East and India 148.
 OLZ = Orientalistische Literaturzeitung 128.
 OM = Oriente Moderno 148, 149, 150, 151, 152, 153, 155.
 QS = Qirjat Sefer 148.
 Palestine Weekly 148, 149.
 RAA = Revue de l'Académie Arabe = Mažallat al mažmaḡ al-ḡilmi al-ḡarabī 128, 139, 131, 133, 141, 142, 150, 154.
 Rš = ar-Rābiṭa aš-šarḡīja 133.
 as-Sijāsa 150.
 Sūrija 128, 131.
 ZA = Zeitschrift für Assyriologie 128.
 ZKV = Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР 127.
 al-Žāmiḡa 130.